

МИХАИЛ
АСЛАМОВ

БОЛЬШОЕ СОЛНЦЕ

Михаил Асламов принадлежит к поколению поэтов, детство которых было оборвано войной. Окончив ФЗУ, неокрепшим подростком вставал он перед станком на подмости, вытачивая снаряды. Именно тогда родилось в его душе острое чувство ответственности за судьбы Родины. Оно стало тем камертоном, на который настраивает лиру молодой поэт. Закономерно, что герой книги стихов — рабочий человек, мастер своего дела, романтик по характеру и созидатель по призванию.

МИХАИЛ
АСЛАМОВ

БОЛЬШОЕ
СОЛНЦЕ

*книга
стихов*

«СОВРЕМЕННОК»
МОСКВА 1972

P 2
A 90

$\frac{7-4-2}{67-72}$

Не покоя хочу,
Но — спокойствия,
Не пристало вприпрыжку бежать.
Словно в пору вступил
В сенокосную —
Научиться бы косу держать!

Чтоб косилось легко,
Недокучливо,
За прокосом прокос
По росе.
Чтобы строчкою
Травы пахучие...

Ах, как косят у нас по Руси!

Если жидок в кости —
С тебя проку нет,
Не годишься напарником в ряд!
И гуляет коса
Рыбой-окунем,
И рубахи на спинах парят...

Так идти б неторопко,
Но — споро,
До полудня,
А после — до звезд...
И —
Какие уж тут разговоры.
Если время пришло —
Сенокос!

На первом
 всплеске вдохновенья,
Почти с умением говорить,
Как снизошло,
 пришло умение
Тугие луки мастерить.

И в весны светлые и полые
Скворцам вдогон из-за ствола
Взлетала радостная,
 подлая,
Неотвратимая стрела.

И птицы горько
 крылья вскидывали,
Уже предчувствуя конец.
За что мне сверстники
 завидовали
И крепко драл меня отец.

Вот так творил я зло
 безгрешно.
Теперь, сквозь призму горьких дней,
Мне все понятней...
 А скворечни
Я мастерил уже поздней.

ПОМОЩНИК

Июль пьянящ, как медовуха!
И солнце рыжее в зенит
Уже взбежало,

а над ухом
Комар назойливо звенит.

Ногам и горячо, и колко,
И словно угли на спине...
Нам с мамой некогда — прополка,
И это так понятно мне!

Я тяткой взмахиваю споро,
От мамы я не отстаю.
Вот жалко, что обед
не скоро,
А я немного устаю.

А мама, видно, есть не хочет,
Платок у мамы пропотел...
— Ты б влез на дерево, сыночек,
Да мне бы песенки попел.

Уважь...

И, отдохнувши малость,
Взялась за тятку. Я ведь мал,
Чтобы понять, что это —
жалость,
Я все за правду принимал.

Пою на дубе высоченном,
Добро, что рядом — никого.

Хочу, чтоб маме
 облегченье
От пенья вышло моего.

Про «штурмовые ночи Спасска»
Пою — как будто бы полю.
А сам гляжу,
 гляжу с опаской:
Не больно ль весело пою?

Я в песни вкладываю душу!
А маме некогда смотреть.
И песни глуше, глуше,
глуше...
И вовсе расхотелось петь.

— Что кончил? Надоело, видно?..
— Угу. —

Пылится полоса...
Смотреть мне почему-то стыдно
В родные, добрые глаза.

Текли
 эвакуации
Сквозь зиму поезда...
Вдруг —
 трелью с вариациями
Песенка дрозда!
Откуда она,
 чистая,
На станции, зимой?..
Но весело
 насвистывал
Скворчонок расписной!
— Эх, спойте,
 птицы вешние, —
Приплясывает дед, —
Те песенки
 безгрешные,
Каких на свете нет! —
Он дует в них,
 он будит в них
Певунью-струну...
И люди
 в том небудничном,
Весеннем плену
Притихли, изумленные:
— Ну и артист!.. —
Уходят
 просветленные,
С собой уносят птиц.
И дед уйдет...
 А с вечера
До утренних зарниц

Из глины,
 звоном меченной,
Лепить он будет птиц.
Опять избу скрипучую
Минуют ночью сны...
Живет
 душа дремучая
Предчувствием весны.
Под всхлипы ночи
 горестной,
Назло тебе, печаль,
Дед будет
 в чистой горенке
Птиц песням обучать.

Война в начале только.
Я в тылу —
Неопытный еще, неогрубелый.
Но — фронтовик, оттуда,
самый первый,
На костылях проходит по селу.

А помнится, был вздорным мужиком!
И до войны среди ловцов бывалых
Всерьез не принимался.
«Поддувалом»
Его дразнили. Был он печником...

На первозданной белизне зимы
Казался он подбитой серой птицей.
Смотрел, не узнавая, в наши лица...
Он явно знал, чего не знали мы.

И вроде стал он приходить в себя,
Когда в дому дошло до скудных рюмок.
Но, волосенки сына теребя,
— Я видел смерть, —
сказал он вдруг угрюмо.

И смолкли все. И, чем-то смущены,
Ловцы, не раз гостившие у смерти, —
Они в глаза ему
смотреть не смели.
— Он видел смерть! — шептались пацаны.

Ах, Петька!

Кто подумать мог бы,
Что изведет его война!..

Как гордо

ГТО и МОПРа
На нем сверкали «ордена».

Другого не было в округе
Такого же весельчака...
Война.

Пришел он одноруким
И нервно дергалась щека.

Но жив!

В системе общепита
Он долго с толком торговал.
Но что-то было в нем
убито
Войной проклятой наповал.

И все, что раньше в Петьке пело,
Теперь стонало и тряслось.
«У, язвы! Вас туда бы, в пекло!»
Срывал на бабах Петька злость.

А бабы вслед ему рыдали,
Когда селом он проходил.
И все казалось:
не медали —
Осколки звякали в груди...

ЧЕРЕМУХА

Брату Алеше

Над сопками и над слияньем рек
Всходило солнце, рассыпая радуги,
И зернышком в прозрачной виноградинке
Угадывался в утре
человек.

Вот мостиком прошел он над рекой...
Он что-то нес: оно белело, пенясь.
Легко сбежал с пригорка,
подбоченьясь—
Так неуклюже! — правую рукой.

Он подходил — и смог я различить:
Черемуху он нес, по-детски кроток,
Так нежно и с опаской,
словно кто-то
Хотел его с букетом разлучить.

Он в левой нес. А правая, была...
Да у него и не было-то правой:
Рукав пустой был под ремень заправлен...

Ах, как в тот год черемуха цвела!

С нелепо укороченным плечом
Шел человек. Он явно волновался.
Он будто открываясь, улыбался
И припадал к черемухе лицом.

Шел у домов, охрипших от забот,
Ларек минуя, голубой, как небо,

Где очередь ждала угрюмо хлеба, —
С черемухой.

На солнце.

На восход.

И были удивительно легки
Его шаги. И — набекрень фуражка.
И женщина в толпе

вдыхала тяжело

И все глядела вслед из-под руки.

Смотрели дети, вдовы, старики —
Так удивленно, будто бы впервые
За всю войну

ликующе живые

Черемуха роняла лепестки.

Какое веселье, бывало,
Звенело под сенью лесов,
Когда к пристаням прибивало
Измотанных морем ловцов!

Гулянье!

Приятнее слуху
Словцо подобрать нелегко...
Уже наварил медовуху —
Рыбацкая теща — рыбкооп.

Ловцы в окружении свиты
С утра —
 под привольную сень...
Заходятся птицы от свиста,
А моря не слышно совсем.

А моря не слышно, не видно,
Дай бог ему, черту, сгореть!
И ластятся жены бесстыдно,
Да нам не пристало глазеть.

И кружкам, бунтующим мутно,
Легко в захмелевших руках!
Плывет разговор сухопутный,
Как солнышко в синь-облаках.

Но, словно бы волны у мола,
Шумит растревоженно бор —
И снова вторгается море
В неспешный мужской разговор:

Одних — ну чуть-чуть не разбило
О скалы у Бычьего лба,
Другого — так с палубы смыло!
Такая идет похвальба.

А бондарь, кривой и припухлый,
От зелья хмельного сердит,
— Без бочки-то рыба протухнет,
Протухнет! — упрямо твердит.

И кто-то, ручищи раскинув,
Уже задает храпака...
Ах, краток же праздник
в путину,
И море зовет рыбака!

Оно колобродит опасно,
Призывно грохочет волной...
И слышится где-то:
— На-прасно
Старушка ждет сына домой...

У кромки моря на кривом мысу,
Как на суку скворечня,
мастерская,
Не обижая, но и не лаская,
Она меня учила ремеслу.

Царил тогда извечный сумрак в ней,
Как в бане той,
 что топится по-черному.
Гляделось солнце в окна закопченные
Луны не ярче — сменщицы своей.

И было так нерадостно смотреть,
Как будто жизнь
 мне эти окна застили!
И, разозлясь, сказал я как-то мастеру,
Что хорошо бы
 окна протереть.

И вот три смены — вдохновенно злой,
С ведром в руках и рукава по локоть —
Смывал я с окон
вековую копоть,
Одаривая их голубизной.

И солнце,
солнце удивило всех:
Оно винтом по цеху заходило!
И токарей усталых молодило,
И с неохотой
покидало цех...

Вот так однажды,
 сумраку назло,
С того и начал ремеслу учиться,
Что прежде окна
 высветлил тряпицей,
Чтоб с солнцем побраталось ремесло.

ПОДМОСТКИ

Мне первый токарный станок
Никак не хотел покоряться:
К зажимам
 в мои-то тринадцать
С трудом дотянуться я мог.

И видя, что мал я и квёл,
Завхоз сколотил мне подмости —
И с тем недотепу-подростка
Во взрослость достойно возвел...

Война ненасытный обряд
Творила кроваво и слепо.
Ей — вроде насущного хлеба
Сработанный мною снаряд.

Я раньше других уставал,
Был слабым, за то — не взыщите.
Но Родине был я защитник,
Когда на подмости вставал.

Мне ночь после смены — провал,
Как будто вконец обескровлен...
Но был я
 со временем вровень,
Когда на подмости вставал.

МАСТЕР

Вкусил я рано сладость власти:
И мне казалось, что не зря,
Меня высоким словом «мастер»
Титуловали слесаря.

Но — старичок был: вид пророческий,
Хоть истин и не изрекал,
Тот больше звал меня
по отчеству,
Титуловать же избегал.

Всегда опрятный, как из бани,
Не примыкал он к большинству.
Он сам был мастер —
не по званию,
А так сказать, по существу.

Он сквозь очки чертеж рассматривал,
Как будто Библию читал,
И что-то было в нем от матери,
Когда он в руки брал деталь.

Не вкалывал!
А с уважением
Вдувал он душу в механизм.
И было каждое движение
Законченным, как афоризм.

Когда ж с высот образования
В начальственный впадал я раж,
Просил он, ближе подзывая,
Смирненно эдак: «Ну, покажь...»

«Покажь!» — А что ему ответишь?
И остается лишь признать,
Что зря, порой, в начальство метишь,
Не научившись «показать».

И в положении печальном,
Махнув рукою на смешки,
Обратным ходом
из начальства
Я двинулся в ученики.

И, как мальчишка, был я счастлив,
Когда однажды от него
Услышал:

«Из тебя бы, мастер,
Напарник вышел — ничего...»

И с тем вернул тот старый слесарь
 Меня обратно к естеству:
 Не стало к власти интереса,
 Вернулась тяга
к мастерству.

ХРОНИКА ПАМЯТИ

I

Вспоминаю ту беду...
А беда была такая:
Вдруг сгорела мастерская
У поселка на виду.

Прахом все пошло, золой.
Крыши нет, остались стены.
И поземкой
 год военный
По-над стылою землей...

Говорил без лишних слов
С нами начполитотдела:
Дескать, надо
 «дело делать»,
И еще, что «фронт ведь ждет!».

Хоть и мал — беру в расчет:
Жди, пока накроют кровлю, —
Фронт за это время
 кровью
В ожиданье истечет...

Под рукой станок поет,
Он поел и сыто дышит...
Хорошо б, конечно, крышу,
А на бедность — доппаек.

По еде затосковал,
Зазевался — и в науку
«Приварил» к металлу руку —
Пальцы с кровью оторвал.

Мастер — ма-астер пожалеть!
Дал картошину: «Пожуй-ка!»
Греет белый свет
«буржуйка»,
Да не в силах отогреть.

Эх, беда и есть беда!..
Вот уж лампой в полнакала
Удивленно засияла
Вега — странная звезда.

Может, где-нибудь в окоп
К брату старшему заглянет?
Может быть, на нас
вегяне
Смотрят в сильный телескоп?..

И смотрю я на звезду...
В пору выплакать обиды,
Да не вправе
слабость выдать
У Вселенной на виду.

II

Мальчишка спит.
Как будто на лету,
Уже вконец измученный полетом,
Он выпал все же
Из круговорота
На крышу «Фотографии»,
В порту...

Спит пассажир.
Фонарный зыбок свет.
И над землей —
Туманно и тревожно.

И сны его туманны.
И надежно
Зашит в подкладку пиджачка
Билет...

Медлителен в круженье
Шар земной,
А крепко же мальчишку укачало..
Под чье он попадет теперь
Начало? —
Он,
Рассчитавшись с мировой войной?..

Край неба начинает розоветь.
Пусть он поспит
Перед дорогой долгой...
Как гонит жажда
Вновь вгрызаться в догмы
И жадно в рот учителю смотреть!

Вот отдал —
И не дрогнула рука! —
Он за билет
Свое «пшено» на рынке...
То не над ним
В ночи рыдает
Рында.
Но — бог храни
Подкладку пиджака!

III

Походкою валкой из бухты
Уходят на лов сейнера...
Все давнее вспомнил,
как будто
Все начато было вчера.

Не то ли мне душу печалит,
Что так же вот мал-человек,
Как сейнер от пирса,
отчалил
От детства, но только — навек?

Хочу напроситься на жалость?
Но мне ль обижаться на то,
Что куцее детство досталось?!
Война
 обрубила швартов.

Спасибо, что чащею бедствий
Судьба меня не обошла...
А в памяти кружится детство,
Как лодочка,
 без весла.

И кружит ее, и заносит —
Такая большая вода! —
Из ранней весны
да и в осень,
Как это и было тогда.

И волны вздымаются круто,
И ветер призывно свистит,
И выпелом,
сорванным с юта.
Прощальная чайка летит.

В луга податься спозаранок,
Уйти, куда глядят глаза,
Покуда в чашечках саранок
Еще не высохла роса...

Затронь ветлу — она уронит
Слезу-ледышку из-под век.
Тебя ж никто в лугах не тронет —
Ни зверь лесной, ни человек.

Змея забила под колоду,
И дремлет зверь наверняка,
И злоумышленник в природу
Не собирается пока.

И в торжестве миропорядка
Проникнешься на полпути:
Какое счастье — не украдкой,
Без опасенья в мир войти!

Когда природа так покойна,
Что перед этой чистотой
Сам ощутишь себя достойным
Святой доверчивости той...

Когда от гари
Очищались дали
Под тот победный
Праздничный салют,
Нам Родина
По бронзовой медали
Вручила
За военный тяжкий труд.

«За доблестный...»
Все выбито, как надо.
Но в грудь свою
С бахвальством не стучи.
По правде-то,
Не ярок блеск награды,
Ведь, почитай,
Весь тыл и получил.

Но в том и смысл
Победы небывалой,
Возвысившей Советскую страну:
Мы победили —
Значит, было мало
Недоблестных
В ту грозную войну.

И надо было так случиться:
Когда едва лишь рассвело,
Как две блуждающие птицы,
Мы встретились крыло в крыло.

Светло туманилась протока,
Светило всплыло из воды —
Как будто нас
 недремным оком
Остерегая от беды...

И надо ж было так случиться!
На все сердечные дела
Судьба,
 не соблюдая традиций,
Не ночь, а утро отвела.

Ах, ночь!
 Когда все так несложно!
Невидимо, как жар в крови!
Когда слова мерцают звездно
Над изголовием любви.

А тут — ни чувств,
 ни глаз не спрятать,
Как перед правдою самой,
И как вселенский соглядатай
Маячит солнце за спиной...

Мы говорили и молчали
О самом важном и простом,
О чем не принято ночами...
И не раскаялись потом!

Теряется юность в туманах,
Неясной звездой становясь...
Но стоит
 затронуть баянам
Военного времени вальс —

И вновь
 молодым однолюбом —
Отцовский пиджак на плечах —
Пройду я к рыбацкому клубу,
Подковками гулко стуча.

Висячая лампа с простенка
Мигнет и прибавит огня,
Рыбачка —
 нарядная Ленка —
Смущаясь, окликнет меня.

Я вспыхну от радости жгучей,
И тут же ее приглушу.
И Ленку
 на танец летучий
Пред публикой всей приглашу.

И словно бы так, между прочим,
Скажу невпопад,
 что люблю,
И снова ботинком рабочим
На Ленкин сапог наступлю.

И только с последним аккордом
Оставляю я Ленку-красу...
Уйду
 из военного года
И светлую грусть унесу.

ТАНЦЫ

Потушив мировые пожары,
Жарким пламенем битв опален,
По пути
 из соседней державы,
Победителей стал батальон —

Отдохнуть и водицы напиться,
Чтобы снова с рассветом в поход.
И, непраздным влеком любопытством,
Потянулся поселком народ...

Ветерком среди зрителей смутно
То ли смех, то ли вздох, то ли стон...
Но рассыпался вдруг
 баламутно
Перламутровый аккордеон!

Вот разведку, как перед боем,
Перебором солдат завершил —
И сердечное что-то такое
Тихо пальцами заворошил.

Разом — словно прибавилось света,
Точно облако с солнца сошло!
И танцоров
 на круге заветном
Закружило уже, понесло...

Были бабы тихи и покорны,
Всю войну отходя в мужиках.
Были платья заметно просторны,
Всю войну отлежав в сундуках.

ЧЕЛОВЕК С БУХЕНВАЛЬДСКИМ ЗНАЧКОМ

Мы попутчики.

Мне незнаком
Молчаливый купейный сосед мой.
Он шуршит одиноко газетой,
Человек с бухенвальдским значком.

Оказавшись потом остряком,
Улыбаясь вставными зубами,
Анекдотом меня позабавил
Человек с бухенвальдским значком.

Он смеется надрывным баском,
От сухого заходится кашля...
А о т-о-м —
не проси, не расскажет
Человек с бухенвальдским значком.

Он огонь высекает молчком
И к нему припадает, прищурясь, —
Табаком свою память врачует
Человек с бухенвальдским значком.

ЛЕЙТЕНАНТЫ

Гарнизонным начальством отпущены
Лейтенантам счастливые дни!
Гарнизоны богаты
 пушками,
А девушками вот — бедны...

Рада, рада столица районная
Лейтенантов своих привечать.
Будет клуб
 на волне радиоловой
Допоздна лейтенантов качать.

Пусть всего-то
 по звездочке воздано
Молодым, неокрепшим плечам,
Но зато
 генеральскими звездами
Полыхать им в глазах у девчат!

А в гостинице
 на молоденьких
Все дежурная грустно глядит
И зовет лейтенантов
 «Володеньками»,
Память в сердце своем бережит.

Будто видит:
 заходит он в горницу —
И смятение в сердце и страх!
А в петлицах — по треугольничку
И по чертику — в синих глазах.

Но споткнулся Володя
на Одере,
Наступающих рот впереди.
Нету, нету Володи...
А вроде бы
Это он прокричал: «Выходи!»

И уходят...
Ах, как они веселы!
И натянуты, как тетива!
И смешно:
«Упаси от агрессии», —
Командирская шепчет вдова.

МЕХАНИК

*Капитану Гранга
Я. П. Сурнину*

Когда сбивают поршни споро
Густое масло день и ночь,
И он не прочь за разговором
Водицу в ступе потолочь.

На палубе, на жесткой банке,
Плечами дружескими сжат,
Травить механик станет байку
Для устрашения салажат.

Но — смолкнет он на полдороге,
Когда, веселью вопреки,
Вдруг
 дуновение тревоги
В глазах задует огоньки,

И враз — прорежутся морщины
И отрешенным станет взгляд.
«Механик слушает машину», —
Кому-то тихо пояснят.

Механик слушает машину...
Как бы ступая по следам,
Тяжелых звуков мешанину
Он разбирает по складам:

В ее звучании привычном —
Как бы ни пряталась беда —
Он различит
 косноязычье
Вдруг ослабевшего болта.

Машины слушает механик...
Так каждый миг настороже,
Он словно и не отдыхает,—
Обеспокоенность в душе.

Еще тряхнет он анекдотцем,
Всю палубу развеселя!
Но дайте выслушать,
как бьется
Как бьется сердце корабля.

МЕРНАЯ МИЛЯ

У пирса стальная громада
В авральном разгаре работ.
Уже судовая команда
Хозяйски вступила на борт,

Уже уступает малярной
Монтажная наша страда.
В предчувствии спора с морями
Вибрируют нервно борта.

Но хмур
наш ответственный сдатчик,
Глазищи суровой бойниц,
И радостям он не потатчик
Иных
безответственных лиц.

Всем милям, скользящим под килем,
Что судно за годы пройдет,
Предшествует
«мерная миля»,
И завтра — той мили черед.

Отрезок, означенный четко!
Что можешь — тут вынь да положи.
Тут ограничения —
к черту!
Тут полную мощность даешь!

На полную!
Дрожь переборок,

Когда, до немоты бесчувствен,
Залив намаянно уснет,
Добытчикам морской капусты
Работать время настает.

Подбрасывая кайзы ловко,
И, значит, выпавшись вполне,
Они, спеша, спускают лодки
Навстречу медленной волне...

Различным подвижны резомом,
Добытчики —
 народ сезонный:
Есть инженеры и врачи,
И просто — «граждане бичи».

И тот, кому судьба постыла,
По всем статьям нехороша —
Он тоже здесь,
 чтоб поостыла
Ожесточенная душа...

Добытчик кайзою рогатой
Все шарит по морскому дну,
Как будто роется в загадках
У долгой памяти в плену.

А солнце — лодочкой на зыби,
И видно — по-над самым дном

В зеленой глуби бродят рыбы,
Как будто лошади в ночном.

Качает лодочку, качает,
А даль ясна — не замутишь.
И неприметно,
но крепчает
Желанье землю ощутить...

РЫБАЦКИЕ ЖЕНЫ

Сходят шагом тяжелым
Рыбаки на причал,
И лучистые жены
Припадают к плечам.
И — в обнимку от пристани,
Им плевать на молву.
Пусть молва
 столько выстоит
На туманном молу,
Потомится бессонницей
В равных году ночах,
Чтоб постигнуть
 бессовестность
В честных бабьих очах...

— Где болтались,
 пропавшие?
— Чем прельстил океан?..

Робы, морем пропахшие,
Спрячут жены в чулан.
Спрячут море за шторами —
Не сманило б мужей!
Станут мягко покорными,
Первых ливней свежей...

Подобреют мужчины,
Станут ликом светлы.
И заборы починят,
Перестелют полы.
Будут хаживать пашней
И выкашивать луг...

Только косу однажды
Муж уронит из рук.
И, прислушавшись,
тоже

Вдруг услышит жена:
Там далеко,
похоже,
Бьется в берег волна!
Ходит море раздольно,
Стелет море пути...

Что-то горько и больно
Оборвется в груди.

Где-то залпы били
прицельные...

А совсем от войны далеко
Похоронная шла
процессия,
На погост унося рыбаков.

По отцу-океану
сродники
Шли в рыданиях вдов и невест.
И в четыре трубы без роздыха
Скорбно жаловался
оркестр,

И в звучанье его безвыходном,
По-рыбацки упрям и суров,
Барабан проступал,
как выхлопы
Уходящих в море судов...

Схоронили их честь по чести:
Пять гробов поставили вместе
И одну им на всех
из жести
Укрепили звезду в головах.

Расходились.
Уже смеркалось.
Рыбаки неловко сморкались,
Папироски мяли в зубах.

[illegible]

КОНСТРУКТОРЫ

Здесь не в чести говоруны.

Здесь истину

Глаголят цифр и чертежей уста.

И трут ребята ранние залысины

Над первородной свежестью листа.

Под аксиомы старые, как мину,

Они подводят дерзостный эскиз.

Им дай размах!

Настроившись немирно,

Клянут начальство за консерватизм.

Начальство же настроено лояльно:

Оно придет, спокойное на вид,

И, шевеля косматыми бровями,

Над чертежами молча постоит;

Поговорит, щадя чужую гордость,

Привычно все прикинув на глазок,

И...

«гениям» откроется, как пропасть,

Постыдное незнание азов...

СВАРЩИК

Он покурил, воды напился
И вот, утершись рукавом,
С волшебной палочкой склонился
Над металлическим листом.

Уже не медля ни мгновенья,
Лицо забралом заслоня,
Магическим
прикосновеньем
Он смело вызвал дух огня,

И в миг, его послушны воле,
Как вспышке гения — века,
Сполохи синие вспороли
Железный сумрак потолка.

И там, средь балочных сплетений,
В их глубине глухонемой
Сцепились стаяй бились тени,
Когда схлестнулись свет со тьмой.

А он, окутан дымным жаром,
Все так же голову склонял,
И два листа,
как две державы,
Вокруг огня объединял.

И весь — во власти вдохновенья,
Он глух был ко всему извне.
И прометеевскою тенью
Сам отражался на стене.

Андрею Пассару

На все лады друзья острили,
Когда нанаец-друг просил,
Чтоб я
 живую индустрию
Ему представил в меру сил...

Заметил я, что друг-таежник,
К ружью привыкший и веслу,
С какой-то тягою тревожной
Приглядывался к ремеслу.

Как будто шел — и у обрыва
Вдруг потерял свою тропу —
И растирает торопливо
Недоумение на лбу.

Тропа...
 Как линия на белом,
В крошечной глубине времен
Она затоптана набегом
Чужих воинственных племен.

Да, тот жестокий враг повинен
В том, что, растоптанный, погас
Огонь чжурчженевских плавлен
И с этим — тропка прервалась.

Он над литейною оснасткой,
Мой друг, кумекал — что к чему,
Хотел ее
 добром и лаской
Приблизить к сердцу своему.

В прищуре глаз его нелетних
Искрил, казалось, слабый ток —
Как бы из тьмы

тысячелетней

Плавили древних огонек.

И вот стоит — душа смутилась,
Догадкой странной озарен...
Неужто же

восстановилась

Утраченная связь времен?!

Неслышно желтым обметало лес,
Похмельно веки облаков набухли
И тяжело смыкаются над бухтой.
Лишь полоса восхода — как порез...

Как этот день аукнется судьбе?
Не жалуйся, такое время года...
— Какая между нами непогода! —
С невольной болью я шепчу себе.

А непогода черно хмурит бровь,
Дожди кривые иссекли пространство...
Как просто было нам с тобой
расстаться.
Как нелегко соединиться вновь!

Простор бушует, гулом обуян...
Сквозь кутерьму дождя и листопада
Всей силой чувств к тебе пробиться надо...
О, сохрани мой голос, океан!

«Прости!» — шепчу. И чудится в ответ
Твое — «Прости...» — над сопками и падами.
Нелепая такая
телепатия...

А дождь идет, и теплохода — нет.

Когда в предветрие заря
Ложится на залив Опричник —
Впрямь что-то есть в его обличье
От стража грозного царя.

Как бы под кожей желваки,
Он перекачивает волны...
Междоусобицы и войны
Готовят тайные враги.

К расправам лютым и боям
Пребудет страж всегда готовым —
Ведь ничего,
 опричь худого
Не ждет опричник от бояр...

Залив, я здесь. Я не забыл, —
Жестокости твоей свидетель, —
Как ты однажды на рассвете
О скалы сейнерок разбил.

За что? Ответствуй!
 В бурной мгле
Искал защиты он, увечный!..
Не отвечает
 со зловещей
Ухмылкой на крутом челе.

Он так живет — не укрощен,
Без угрызений, без боязни...
С былым
 какой-то смутной связью
Я до глубины души смущен.

Сквозь сон до первых петухов
Залива слышать буду вздохи,
Как бы дыхание эпохи,
Придавленной пластом веков...

Твои цветы поотцветут...
Желто от листьев в переулках.
И скоро-скоро обретут
Лес — тишину,
Пространство — гулкость,

Когда способна тишина
Речь низвести до междометий,
Когда на жизни всей видна
Мгновенья тень в неброском свете,

Когда засохнет трын-трава
И не взойдет, как прежде, снова.
И давят на сердце слова
Всея тяжестью пережитого...

Все вернется — позови...
Млечный вечер. Дебаркадер.
И к пристанищу любви
По реке бегущий катер.

Краток и неповторим
Близок миг, и ждет окрестность.
Только это тем, двоим,
Только им и неизвестно...

Равный жизни вспыхнет миг!
Слышишь — с губ слетело слово.
Или, может быть, родник
Так лепечет бестолково?..

Это — сладкая беда,
Это — таинство истока.
И горячая звезда
Вспыхнет ярко и высоко...

Сердце в памяти хранит:
Ночь. Бревенчатый поселок...
Ах, как бешено пьянит
Воздуха осенний солод!

Крепкое пожатье рук,
Осознание единства
У излучины разлук
В утро, хрусткое, как льдинка.

Повернула вспять река,
День хороший, словно — «Здравствуй!»
(Солнце рукавом не застит
Ради света ночника!)

Снова будет, как тогда:
Над большой водой проточной
Женщина взмахнет платочком,
Чтоб вернуться навсегда...

Так долго и нудно
Всю осень дожди полоскали,
Что верится трудно
Нежданно открывшейся дали.

Как воды покойны,
Что даже не чувствуешь мощи.
Дорогой окольной
Прошел катерок-перевозчик.

Из хаоса смуты
Предзимние выпали льдины...
В такие минуты
Мы, видно, с природой едины.

А мир необыден,
В нем что-то знакомо и ново.
И кажется — выйдет
На пляж опустелый корова

И воду со свистом
Потянет под мерные вздохи...
Опавшие листья —
Следы отступившей эпохи.

Такое затишье,
Глубокое до онеменья, —
Как будто стоишь ты,
На стыке стоишь поколений.

И люди благие
Часы удивленно сверяют...
Минуты такие
С утратами сердце смиряют,

БРУСНИКА

[illegible]

Крутые бугристые склоны
Встают из тумана вдали,
Как будто большие ладони
Без усталости щедрой земли.

Там грустные бродят медведи
В предчувствии скорой зимы...
И я уйду на рассвете
От города и от жены.

Туда не пробито тропинки,
Там скалы обвалом грозят.
Брусничники,
 точно кровинки,
На тоненьких ветках висят.

Так рады нежданному гостю —
Пришелся, видать, ко двору.
И радуясь,
 прямо из горсти
Бруснику губами беру.

А сок ее вяжет горчинкой —
Той, в радости
 малой горчинкой, —
И болен я ей, и здоров...

Порезал я палец травинкой —
И капает, капает кровь
На землю,
 на мокрые травы,
И надо порез залечить.
И капельки красной утраты
От ягод мне
 не отличить...

И замкнут слух —

что в пустозвонстве глупом,

Когда священнодействует обряд!..

И скорбно шелестят сухие губы,

И что-то с дрожью руки говорят.

Не знаю почему
Постель моя не смята,
И душно пахнет мятой
В родительском доме.

Не спится...

Ничего!

Вот покурю да встану,
Да выйду к океану,
К бессоннице его.

Так надо:

с полпути,

Где жил легко и разное —
Усталостно и праздное, —
К Великому прийти.

И с ним поговорить
У полосы приборной —
И залатать пробоины,
И сердце усмирить...

Далеко лает пес —
Сподвижник пилигрима,
Качается незримо
Земля на стропах звезд.

Над головой звезда
Погибельно сверкнула —
Надежду зачеркнула...
Кому грозит беда?

Под грузом чьей вины
Вдруг лопаются стропы
Под недовольный ропот
Разбуженной волны?..

Я жду ответа, жду.
Волна не отвечает
И бережно качает
Полночную звезду...

Заступила пора листопада,
Паутинная вяжется нить...
На отцовской могиле ограду
Время самое мне обновить.

Молотком проверяю штакетник,
Крашу краской его голубой...
Ну, так с чем же пришел ты,
наследник?
Что там тянется вслед за тобой?

Но о жизни не думая бренной,
Вспоминаю, как, потен и тих,
Он любовно ошкуривал бревна
И на плахи разделявал их.

И любил о текущем моменте
Переброситься так, между дел.
А когда он точил инструменты,
Я точило за ручку вертел...

Почему-то запомнился очень
Этот серый вертящийся круг.
Этот пот, заливающий очи...
Вырывается ручка из рук!

И топор, и железка к рубанку...
«Привыкай!»

Ну, а я-то молчу.
Шевелю я беззвучно губами,
Проклинаю его и верчу.

Но — привык.

Так привык, что поныне
Я нет-нет да почувствую вдруг:
Ломит руки, и горше полыни
Пот стекает, и — вертится круг!

И уже от него я завишу,
То он легок, то снова тяжел.
Ну, а что на нем точат —
не вижу,
Кто с какою «железкой» пришел...

Знать, отец, обучал ты умело,
Память словом я не оскверню.
И когда я дойду до предела
И последних коней загоню —

Не оплачу слезой неудачу,
А увижу — как есть молодой:
Солнце черное
кругом наждачным —
И так сладко засаднит ладонь...

КУЗНЕЧИК

Речка в даль катила воду,
Немотой поражена,
С облаков на всю природу
Нисходила тишина.

Ни дыханья, ни шуршанья,
И сознательно тихи,
Не ворочали ушами
Над рекою лопухи.

Лишь по-прежнему беспечен,
Оттого, что слишком мал,
Непонятливый кузнечик
Что-то тонкое ковал.

И над чем он так старался?
Что усердно так творил?..
Я в тиши к нему подкрался
И ладошкой накрыл...

Кто толкнул меня на злое?!
Смолк кузнечик — и вокруг
Между небом и землею
Только сердца гулкий стук.

Как я мог решиться дико
На разбой средь бела дня?!
Если просто было тихо —
Глухо стало вокруг меня.

ПРЕДГРОЗЬЕ

Грозой разящею с небес
Пугала туча, словно мина,
Дурным предчувствием томимый,
Настороженно замер лес.

Он только нервно трепетал,
И птицы онемели в чашах...
Зато мирок
 существ мельчайших
В тиши щемящей слышен стал.

Шуршит бесчисленная рать
Жильцов, бегущих в муравейник.
Торопятся — какое рвенье! —
Все выходы замуровать.

И как-то странно на реке
Вдруг стало четко различимым
Поскрипывание личинок,
Спешащих спрятаться в песке...

Вот-вот ударит гром из мглы
Стрелой предательства в доверье!
Сосредоточены деревья,
Как оружейные стволы.

Будь славен, пасечник!
Вовек
Такого не вкушали блага!
Зело добротна твоя брага
И сам ты — добрый человек.

Ее так щедро до краев
Ты разливаешь по стаканам —
И мы все глубже постигаем
Хмельное таинство ее.

Не зря на человека впрок
Бесменно трудится природа,
Распределяя бочку меда
По малой капле на цветок.

Не зря по капельке к столу
Пчела собирает мед толково:
Ведь в браге мед — первооснова...
Так выпьем, что ли, за пчелу!

Ты с горьким хмелем мед смешал,
Как если б с радостью лишенья.
Каким
от странного смешенья
Весельем полнится душа!

А что нам до медовых рек!
В них только радости,
что — сладость.

А сладость-то —
не наша слабость...
Спасибо, мудрый человек!

Я наблюдал, как в чистом небе,
Из разворота в разворот,
Песцом
 по голубому снегу
Метался дикий самолет.

Он рвался в высь,
 срывался в штопор
И снова круто вверх взмывал.
Он белой нитью небо штопал...
«Безумец!» —
 я к нему взывал.

Со смертью в прятки — вот забава!
Так безоглядно рисковать!..

Дрожит, спасительная,
 справа —
Рукою друга — рукоять.

В тот страшный миг,
 когда паденья
Неотвратимость он поймет —
Он,
 бросив ручки управления,
Ее на помощь призовет.

И парашют, легко качая,
Его опустит на траву.
И все.

 И — начинай сначала!..
Ау, друзья мои, ау-у-у!

Когда душа — у грани риска,
Услышите ли голос мой?..
О боже!

Как безумно низко
Он пролетает над землей!

Так всегда и бывает.

Но все же...

Скоро листья в лесу опадут.

Неспроста ведь гусиною кожей

Этим утром подернулся пруд.

Научи меня, лес опаленный:

Почему же, склоняя главу,

Не завидует

вечнозеленым

Березняк, растерявший листву?

Может быть, отвергающий зависть,

Он хотел бы уверить теперь

В том,

что право на светлую завязь

Невозможно без горьких потерь?..

Он потери в апреле оплачет

Сладким соком на белой щеке...

Вон бежит по-над берегом мальчик,

Тонкий прутик зажав в кулачке.

И трепещет в слепом озаренье

Желтый листик на встречном ветру...

Вопросительный знак

в оперенье —

Серый гусь на озябшем пруду.

Меня буравил он глазами,
Немолод, клином борода.
И вдруг неловко как-то
замер,
Не донесся кусок до рта.

Запнулся я — и вспыхнул снова!
Ведь пусть на миг один всего,
Но человеку стало слово
Важнее хлеба самого!

Чем заслужил и как отвечаю
На тот порыв его святой?..
И вдруг повеяло навстречу
Людской хорошей теплотой...

Забвения холодный ветер
Тому мгновенью нипочем:
Пусть непогодь,
а чую — светит
Оно высоко над плечом.

ДРУЗЬЯ

Эд. Смирнову

Когда мне плохо, я не понуждаю
И не прошу судьбу благоволить.
А я лицо
 в ладони погружаю —
С друзьями начинаю говорить.

«С самим собою говорить — как глупо!» —
Наверно, рассмеется ротозей.
Мои ладони сложены,
 как рупор,
И донесут мой голос до друзей!

Друзья мои рассеяны по свету —
И строят, и штурмуют небеса...
Но надо только развернуть газету,
Чтобы друзей услышать голоса,

И ощутить вдруг:
 как они устали!
В мозолях руки, капельками пот...
И стыдно мне.
 И больше я не стану
Их отвлекать от мировых забот.

И вот бросаю... Что?
 Скулить бросаю!
И — легче жить, и думать веселей!..
Меня всегда спасало
 и спасает
Незримое присутствие друзей.

Давайте на время забудемся,
Уйдем от забот налегке,
Как будто случайно заблудимся
В пронизанной светом тайге —

В пустой и прозрачной
по-зимнему,
Где все чудеса — до весны.
Давайте побудем
разинями,
Которым проспекты тесны!

Гуляй, отрешен и беспечен,
Покуда желание есть!
Покуда однажды
навстречу
Навзрыд
не ударит оркестр —

И скорбно всплывет над рядами
Мелодия, мир заглуша!
И вздрогнет
на голос рыданий
Пронзенная болью душа.

О, жизнь! Осуди, но — помилуй!
Себе не прощу я вовек:
На миг отлучился от мира —
И умер уже человек!

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

М. Соболю

Вновь прихожу к тебе,
Чита, с любовью давней...
По жизни,
 по судьбе —
Как свет в окне, Чита мне.

Прости меня, прошу,
Прости, как древо — ветку,
Что редко приношу
Цветы на землю предков.

С ключей начнет ручей
Далекий путь до устья...
По родине ключей
Я — ручеек даурский.

Еще жива, свята,
Чалдонка, нехристь —
 мама...

Прими меня, Чита,
Родню по сути самой.

Прости ты мне, любя,
Что, торопясь по зову,
Достойного тебя
Не отыскал я слова.

Но я ведь не забыл,
Как ты
 пред целым светом
Дала мне чувство крыл
И нарекла поэтом.

ОГОНЬ

Взойдя на скошенном лугу,
Дитя беспечности иль злобы,
Он вскоре
 зверем краснолобым
РванулсЯ дико на тайгу.

Он все, что можно, пожирал
Стремительно и кровожадно
И цепь измученных пожарных
К селу все ближе прижимал.

Ему — еще один рывок!
Уж искры западали в сено.
Уже единственным спасеньем —
Недалкий в море островок.

И скорбно двинулся отряд
Осевших по борта «ковчегов»,
И быстро обрастал кочевьем
Тот малый остров — «Арапат»...

Тревожусь давнею бедой...
Как будто вдруг узнал и понял,
Что поджигатель тот
не помер
И остров скрылся под водой.

ЭХО

Осень травы сжигала в логах,
И дожди на цыплячьих ногах
По тайге кочевали...
Мы спешили в преддверье зимы:
Ровной просекой надвое мы
Глухомань рассекали.

Рассекать — не асфальтом шагать.
Лес валить
Или гать пролагать
Через брюхо трясины.
Так идти напрямик
День за днем...
И усталость
гвоздь за гвоздем
Забивала нам в спины.

Матерились: — На кой оно ляд! —
Перестукам и выкрикам в лад
Откликалась округа.
Ах, и звончатый гул
В топорах!
Ах, и чуткое эхо в горах —
Словно отклики друга.

Словно там, за хребтом,
Далеко,
Нам навстречу спеша нелегко,
Так же вот до испарины,
Тоже взяли тайгу в топоры
Неизвестные нам до поры,
Но по духу —
Напарники.

КАМЧАТСКИЙ РЯЗАНЕЦ

Когда над Камчаткой воздела
Косматые длани пурга,
Мне выпало душу и тело
Согреть у его очага...

Хозяйка готовила спешно
Еду,ставляла питье,
И яблоки чудом нездешним
Труды увенчали ее.

И помню еще: ненароком,
Как облака легкая скань,
В беседе всплыла издалика
Родная их сердцу Рязань,

Где смотрится в тихую Трубеш,
Собою любуюсь, собор...
— Уедешь, а вот не отрубишь, —
Хозяин свернул разговор.

И тронула сердце остуда,
Хозяева стихли мои...
На яблоки я им: — Оттуда?
— Да нет, — вострепенились, — свои.

И тут же:
— Поверишь ли, с нею
Мы жили здесь, точно в бреду.
Такая тоска,
что во сне я
Все яблони видел в цвету.

И думал: не выдержу, струшу,
На помощь родню не призвать.
И стал я

 рязанскую душу
К камчатской земле прививать.

Нашлись же и добрые люди:
Советуют, саженцы шлют...
Ну, всякое было — на блюде,
Известно, они не растут.

А яблоки заревом вешним
Светили нам в центре стола...
Желаю, рязанец,
 чтоб вечно
Рязань в твоём сердце жила!

Тоскуй по ней, где бы ты ни был,
Коль яблони с этой тоски
Пуускают под северным небом
Совсем по-рязански
 ростки.

ЧУКОТСКИЙ ДНЕВНИК

Вяч. Емельянову

— Брось понапрасну время тратить
На всю на эту маету! —
Так отговаривал старатель
Меня в анадырском порту.

Он после выпитой «зубровки»
 Был сам угрюмым, как бизон,
 На день восьмой командировки,
 Когда в разгаре промсезон.

— Ты, точно ангел, летаешь, —
Он явно злился, ни с чего, —
Но только фигурки узнаешь
Ее ты больше моего!

И выворачивал он
фигу
Коряво, смачно, от души.
— Ты полопать ее, сквалыгу,
А хошь — так после напиши...

Ты прав, старатель.
 Что судачить,
Как воду в ступе задарма.
Я сам «лопачу» — чуть не плачу,
Да «золотишка» вот — нема...

Земля не примет, не согреет,
Не возведет к своей судьбе,
Пока в работе не сопреет
Вконец рубаха на тебе.

И ты на прииске Отрожном,
И я в своем углу берложном —
Мы в этом деле знаем толк!
Но становился неотложным
Мой путь на северо-восток.

Лишь убедиться бы пока мне,
Что и у северных широт,
Где жжет мороза жуткий пламень,
Где не выдерживает камень!
Единомышленник жи-вет!

I. Капитан порта

С. К. Гасце

Я на пост его с робостью школьной
Поднимаюсь в певекском порту...
Что вам с вашей видать

колокольни

На полярном на блеклом свету?

В окулярах бинокля морского
Что вам видится, мой капитан?..
Ледовитым до судорог скован,
Пробивается в порт караван.

А быть может, щербатой чертою
Горизонта привычно скользя,
Он увидит неожиданно такое,
До которого выплыть нельзя.

И наивное старое фото
Память дерзкая вдруг оживит —
Гордый первенец

Красного Флота

Выйдет в плаванье сторожевик.

Сквозь арктическую непогоду,
Осененный звездой труда!
...Нынче в полдень
на чистую воду
До Певека пробились суда.

II

Покинул землю самолет...
Певек, прощаюсь.
В иллюминатор
солнце бьет...
Не омрачайся!
А сквозь моторы —
птичий гам,
Галдеж в салоне:
«Галчата»
к южным берегам
Летят с Айона.
И полулежа я гляжу
На ребятишек,
А мысленно
еще брожу
По тундре рыжей.
Как жилочка,
наискосок
По тундре речка...
Стрелой из лука —
голосок
Взорвался резко:
«Смотрите, лес!» —
кричал пострел
Под визг девчонок,
И на плечи мои взлетел
Сосед-галчонок.

«Лес! Лес!» —

зашелся самолет

От криков звонких,
И словно зайчики — вразлет —
Вокруг глазенки.

И я

глазами лес искал,

Оставив кресло.

А там — кустарник протекал...

А где же лес-то?

Средь зеленеющих плешин

Темнела хвоя...

Но — «Лес!» —

кричали малыши,

На креслах стоя.

На креслах ли?

На мерзлоте,

На той, на вечной!

В полярной жгучей темноте,

Где звезды — свечкой.

На обожженном валуне,

На льдине стылой!

И потому-то им —

не мне,

Виднее было...

И думал я,

до глубины

Души растроган:

Неужто же

отделены

Полярным кругом

Они

от черствости души,

Как юг от стужи?..

Кричите громче,

малыши,

Чтоб знать, что нужен
И вам, и мне
Полярный круг —
Высотным валом,
Чтоб лучше виделось вокруг
Большое
в малом.

III

Промприбор породу гонит,
Лента движется, дрожа...
Лучший спец на полигоне,
А в глазах у Славки ржа.

Говорит он так печально
(А в душе-то материт):
— Отпусти меня,
начальник,
Отпусти на материк!..

Вот беда еще свалилась!
С планом форменный завал,
Ну, а тут — скажи на милость! —
Человек затосковал.

Тундра марево колышет,
Тянет гарью торфяной.
Только Славка
Волгу слышит,
Спелый запах травяной.

И начальник — хитрый-хитрый,
Он и сам на Волге рос —
Говорит он:
— Сопли вытри!
На пять дней — на сенокос!..

Улетишь с бригадой, Слава,
В лесотундру — не горюй!
Там ведь тоже

 в пояс травы,
Там не Волга, но — Анюй!

Отобьешь косу,
 отыщешь
Косовище по руке —
И пойдет коса,
 засвищет,
Точно рыбка по реке!..

Наломает косовица
Руки Славкины в плечах,
И на сердце
 отстоится
Накипь серая — печаль.

А когда уже крестьянин
Разомнется на косьбе —
Так потянет,
 так потянет
Прииск мастера к себе!..

IV

Небосвод насквозь промок,
А в денек ведренный
Синь-слезу в горячий мох
Выплакал приветливо...

Как зовут тебя, цветок,
По имени-отчеству?
С ноготок всего росток —
Пожалеть хочется.

А жалеть — не резон,
Не унизь, жалея!
Ибо тундра — не газон,
Не оранжерея.

Тундра влагой налита,
Чаем перегретым...
Здравствуй, молвлю, красота,
На краю света!

Как пурга тебя секла —
Да не выкосила.
Перекрашивала мгла —
Да не выкрасила!

Сквозь такую маету
Пронесла нежность...
Видно, крепко красоту
Корешки держат.

V

Явившись вдруг,
Как вынырнув из тьмы,
Он мне с порога заявил:
— Мир — чуден! —
А вынырнул-то
Из кромешных буден,
Из суматохи, спешки, кутерьмы.

И сгинул вновь —
Едва набрался сил, —
Чтоб истиной порадовать:
— Мир — красен! —
Как будто был
Не на колымской трассе,
А где-то по курортам колесил.

Чудак —
Он вечно так вот.
Он таков,
Что дают коммунальные услуги
Его, как лошадь дикую —
Подпруги...
Неужто нет оков
Для чудаков?

А видно, стало не в чести —
Брести
Обочиной.
И каждый озабочен
Не тем,
Что вот забор, мол, скособочен,
А как бы все заборы
Поснести!

VI

И неходко, но в охотку,
Где на крыльях, где пешком,
Я мотаюсь по Чукотке,
Точно лесом с туеском,

Собираю быль и небыль —
Что отбросить, что поднять?..
Что мне надобно?

А мне бы
Душу той земли понять.

Вот вернусь — расспросов будет!
Мне друзья надоедят:
Каковы там, дескать, люди?
Чем живут и что едят?

Хоть не точно, но отвечу
(Точно — просто не берусь,
Так как
 встречным-поперечным
Я Чукотке прихожусь):

Меря тундровые дали,
Замерзая и кайля,
Люди здесь такими стали,
Как сама она, земля.

А земля — она такая:
Вся промерзлая насквозь.
Слабостям не потакает,
Не прощает жизни врозь.

И от стыни этой вечной
Опостылевших ночей
Стали люди
 человечней,
Проще стали и прочней.

А земля — не для парадов,
Сколько жизней унесла!
Только —
 как ей мало надо
Света, дождика, тепла,

Чтобы вспыхнули ответно
Очи ясные озер,
Чтоб ласкало разноцветье,
Прошлым бедам не в укор,

Чтоб земля дышала кротко,
Жажду солнцем утоля...
Вот и все вам

 про Чукотку.
Ну, а люди — как земля.

ПРОЩАНИЕ

От пристани Маго,
 проворен,
Легко отвалил катерок,
Печально вдали семафорит
Знакомой избы огонек...

Изба, до свиданья.
 Простимся.
Спасибо, что был я — родной,
И просто — за очень российский
Целительный дух избяной!

Спасибо за добрый — из печки
К столу — духовитый пирог,
Что так привечаешь извечно
С добром преступивших порог,

Чтоб речи не слышалось бранной,
Ни слова дурного, ни слез...
Дымит «самовар»
 иностраннй
На рейде твоём — лесовоз...

Спасибо, что гостя утешив,
На свой ты не меришь аршин.
Спасибо тебе за вспотевший
От холода
 брашный кувшин!

Мне жить веселее и лучше
С той мыслью, что в бедах любых
Ты честно стоишь у излучин
Высокой и трудной судьбы.

УТРО

Уже и звезды гасли неприметно,
Прорезывались избы, деревья,
И брезжили в душе моей рассветно
Простые, первобытные слова.

Уже от озера
 с названием Кизи
Туманом уходил глубокий сон.
Но все казалось, что в предверье жизни
Мир в чем-то главном не был завершен.

И, словно бы в ответ на эти мысли,
Раздался скрип негромкий в тишине —
И женщина

с веселым коромыслом
Явилась миру спящему и мне.

Она ступала по-крестьянски мудро,
И плыли ведра, чуточку дрожа.
Приветливо и внятно:

— С добрым утром! —
Упало в утро каплею дождя.

И лик ее улыбка озарила —
О, да пребудет женщина в чести!
И все живое
вдруг заговорило —
Вскричал петух, и дятел зачастил.

И раньше было:

 тенькала капель,
Подснежник цвел и пахло снегом талым.
Все в пеструю сливалось карусель
И с тем — свое значение теряло.

Ну, капнуло. Ну, что-то расцвело...
Событие нашли — скажи на милость!
Но зрелость шла —
 морщилина чело
И легкостью все больше тяготилась.

И — взгляд острей. И горше вкус потерь.
И стало вдруг необычайно важным,
Что вот апрель уже — и, отпотев,
Ствол деревца стал непривычно влажным.

Подснежник цвел и пахло снегом талым...
Разыскиваю ниточку побега —
Так,
 словно бы ему не из-под снега,
А из души пробиться предстоит.

БАГУЛЬНИК

Памяти Степана Смолякова

I

Я жду весну.

Она свое возьмет —

И, выюгами освищенный огульно,
Встряхнется и потянется багульник,
И кулачки тугие разожмет.

Меж липких пальцев,

смелость обрета,

Цветок пробьется, розоватый иссиня,
Все слабостью своей

взывая к истине:

Пусть торжествует в мире доброта!

II

По белому — проталины небрежно,
И повлажнела старая ветла...

Весну я призываю,

будто снежность,

Само собою, есть синоним зла.

Снег — это ж замороженная нежность,
Которой так не достает тепла!

Тепла — чтоб стать, чем есть:

живой водою.

Она напоит землю — и в ответ

Земля вздохнет всей грудью молодою

И выдохнет подснежники на свет!

Ребенок срежет первую свистульку,
Забродит сок в багульнике живой...
Весна уже — и солнце, как в сосульках,
Блестит в глазенках дочери моей.

III

Я, окунувшись в утро, не пойму:
На свете что-то важное случилось,
К хорошему все как-то изменилось...
И ахнул:

сопки в розовом дыму!

Зарю ли пролил на землю восток?
Иль в этом мире, спящем неудобно,
Нашелся некто,
 радостный и добрый,
И от зари светильники возжег?

Светильники — без края и конца!
Как вечные огни в зеленых чашах —
Всем,
 за добро замученным и павшим...
И на могиле моего отца.

IV

Расцвел багульник, бледнолик и скромн,
И на могиле моего отца.
Сруб ставил мой отец — да так и помер,
Не уложив последнего венца.

Топор дрожал, в бревно на палец всажен,
Хозяина с обеда ожидал...
Он не отмечен в подвигах отважных,
Хоть топором добро он утверждал.

Не топором — чтоб кровь на острие,
А топором — чтоб избы на земле!

Изба... Мой дом...

Над детской кроваткой —
Любимая, дыханье затая.
А за окном, светло и неохватно,
Немереная Родина моя!

Вот так и жить — чтобы любить и
слышать

Дитя родного тонкий голосок,
Оберегая под родимой крышей
Своей по крови

Родины исток.

Недаром же родитель ставил избы
По всей округе, щедро и любя:
Коль нет избы, то значит — нет Отчизны.
А нет Отчизны — значит, нет тебя.

V

Смешно: я дому в верности клянусь,
Как будто потерять его боюсь,
На шею камень — кануть в мир бездонный.
Как будто мало на земле бездомных...
А может, вправду — потерять боюсь?

Бездомным был.

Бездумностью ведам,
Суденышком бродяжил беспечально.
Понадобилось все-таки причалить...
Нет, должен быть у человека дом!

Пока я в мире яростно кружусь,
И плачу там, и радуюсь пока там —

Горит окно — встревоженный локатор:
Не затеряюсь и не заблужусь.

Земля-планета!

Дорога ты мне
Тем, что на свете есть моя Россия.
Тем, что в России — звездочкой-росинкой —
Есть этот дом и свет в моем окне!

VI

...Не уложив на сруб венец последний,
Ушел отец под горькое: «Пора...»
Остался сын — кровиночка,
наследник, —
И ржавчина не тронет топора!

Как терпко пахнет и щемяще хвойно
В день памяти вечнозеленый куст!
Как жизнь сама,
в которой — труд и войны,
И все-таки — счастливая на вкус.

СОДЕРЖАНИЕ

1

«Не покоя хочу, но—спокойствия...»	7
«На первом всплеске вдохновенья...»	8
Помощник	9
«Текли эвакуации...»	11
«Война в начале только...»	13
«Ах, Петька! Кто подумать мог бы...»	14
Черемуха	15
«Какое веселье бывало...»	17
«У кромки моря на кривом мысу...»	19
Подмости	21
Мастер	22
Хроника памяти	24
«В луга податься спозаранок...»	28
«Когда от гари очищались дали...»	29
«И надо было так случиться...»	30

2

«Теряется юность в туманах...»	33
Танцы	35
Человек с бухенвальдским значком	37
Лейтенанты	38
Механик	40
Мерная миля	42
«Когда, до немоты бесчувствен...»	44
Рыбацкие жены	46
«Где-то залпы били прицельные...»	48
Конструкторы	50
Сварщик	51
«На все лады друзья острили...»	52

«Неслышно желтым обметало лес...»	54
«Когда в предветрие заря...»	55
«Твои цветы поотцветут...»	57
«Все вернется — позови...»	58
«Так долго и нудно...»	60
«Как скорбный дом, опустошенный вдруг...» . . .	62
Брусника	63

3

«Приехал под родительскую крышу...»	67
«Не знаю почему...»	69
«Заступила пора листопада...»	71
Кузнечик	73
Предгрозье	75
«Будь славен, пасечник!..»	76
«Я наблюдал, как в чистом небе...»	77
«Так всегда и бывает...»	79
Был час обеда	80
Друзья	82

4

«Давайте на время забудемся...»	85
Признание в любви	86
«Хребты приметные и тропы...»	88
Огонь	89
Эхо	90
Камчатский рязанец	91
Чукотский дневник	93
Прощанье	103
Утро	104
«И раньше было...»	105
Багульник	106

Михаил Феофанович Асламов

БОЛЬШОЕ СОЛНЦЕ

Стихи

Редактор **А. Москвитин**

Художник **В. Котанов**

Художественный редактор **Б. Шляпугин**

Технический редактор **В. Никифорова**

Корректор **Т. Бочкова**

Сдано в набор 23/XI—1971 г. Подписано к печати 24/II—1972 г.
A02122 Формат бум. 70×90^{1/39} Бумага офсетная Печ. л. 3.5
Усл.-печ. л. 4,1 Уч.-изд. л. 3,49 Тираж 10.000 экз.

Заказ № 12845

Цена 48 коп.

Издательство «Современник» Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

г. Рязань, ул. Новая, 69 Рязанская областная типография.

Цена 48 коп.

„СОВРЕМЕНИК“